УДК 021.13:004.8

Алексей Ковалевский,
магистр педагогических наук;
Научная библиотека Белорусского
национального технического университета
(Беларусь)
kovalevskyalex@yandex.ru

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается проблема определения онтологического и функционального статуса искусственного интеллекта в контексте современной библиотечной коммуникации. На основе анализа правовых и философских дискурсов выявляется ограниченность традиционной дихотомии «инструмент – субъект» применительно к генеративным моделям. Опираясь на подходы Л. Солума, Л. Паризи, Р. Ванга, автор вводит и обосновывает категорию «инструментальный субъект». Данное понятие позволяет описать специфическую агентность искусственного интеллекта, который, сохраняя инструментальную природу, вносит конститутивный вклад в когнитивные процессы и выступает активным участником коммуникативного акта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; библиотечная коммуникация; инструментальный субъект; библиотека как система; генеративные нейросети; философия искусственного интеллекта.

Aleksey Kovalevsky,
Master of Pedagogical Sciences;
Scientific Library of the Belarusian
National Technical University
(Belarus)
kovalevskyalex@yandex.ru

INSTRUMENTAL SUBJECTIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF LIBRARY COMMUNICATION

The article discusses the problem of determining the ontological and functional status of artificial intelligence in the context of modern library communication. Based on the analysis of legal and philosophical discourses, the limitations of the traditional 'instrument—subject' dichotomy in relation to generative models are revealed. Based on the approaches of L. Solum, L. Parisi, and R. Wang, the author introduces and substantiates the category of 'instrumental subject'. This concept allows us to describe the specific agency of artificial intelligence, which, while preserving its instrumental nature, makes a constitutive contribution to cognitive processes and acts as an active participant in the communicative act.

Keywords: artificial intelligence; library communication; instrumental subject; library as a system; generative neural networks; philosophy of artificial intelligence.

С появлением технологий искусственного интеллекта (далее — *ИИ*) нового поколения (от *ChatGPT 3.5*) можно наблюдать постепенную трансформацию коммуникации не только в повседневной жизни человека,

но и в библиотечном деле. Пользователи генеративных моделей и чат-ботов вступают в коммуникацию более высокого порядка нежели с программами, не способными генерировать «осмысленный» ответ. Однако для профессионального библиотечного сообщества процесс интеграции ИИ в практику работы сопряжен с конфликтом между инструментальностью и субъектностью как определяющими свойствами самого ИИ.

Целью данной статьи является определение статуса и места искусственного интеллекта в рамках библиотечной коммуникации и снятие противоречий между его инструментальностью и субъектностью в библиотечной системе.

Прежде чем рассматривать ИИ в аспекте его интеграции в коммуникативную модель библиотеки, обозначим подходы к его статусу в правовом и философском дискурсах, чтобы определить функциональные характеристики, позволяющие ему выступать участником коммуникации.

В области права исследователи сходятся во мнении, что на данном этапе развития технологии ИИ лишен статуса субъекта права, но с развитием данной технологии подходы к его оценке могут меняться [1]. Эта позиция находит отражение и в международном научном дискурсе. Так, С. Честерман указывает, что наделение ИИ правосубъектностью не решает, а усложняет проблему ответственности и основано на ошибочной антропоморфизации [2]. Эмпирический анализ судебной практики также показывает, что критерии, которые суды реально используют для признания правосубъектности, неприменимы к ИИ. Кроме того, существует риск использования ИИ для уклонения человека от ответственности.

В области философии исследователи указывают на размытость статуса ИИ с точки зрения субъектности, однако также, как и в области права, склоняются к отсутствию у ИИ полноценного статуса субъекта на данном этапе развития технологии [3; 4]. Во многом эта размытость объясняется не только свойствами технологии, но и фундаментальной склонностью человека к антропоморфизации [5]. ИИ определяется как «помощник», «умный помощник», «псевдосубъект», «агент», «технология-помощник», «технология компаньон», «потенциально автономная личность», «разумный Другой», «техносубъект», «цифровой субъект», «виртуальная личность»; речь идет о том, что обсуждение статуса ИИ как субъекта хотя пока и находится исключительно в теоретической плоскости, тем не менее, актуально и необходимо. Современные системы остаются инструментами, неспособными к самостоятельному целеполаганию и склонными к «галлюцинациям», что требует от пользователя неослабевающего критического мышления. Вместе с тем, результаты деятельности этого «инструмента» могут быть неотличимы от человеческих. В научной среде на данном этапе развития ИИ превалирует мнение о его псевдосубъектности.

О. В. Яковлева указывает на появлении в цифровой образовательной среде новых ситуаций образовательного взаимодействия – «субъект – контент», «субъект – субъекты», «субъект – ИИ» [6, с. 395]. Данное взаимодействие можно экстраполировать на коммуникацию с ИИ в библиотечной системе нового этапа развития цифровых технологий. В. Е. Лепский указывает на субъект-субъектные отношения в рамках неклассического типа научной рациональности, в которой субъектным

статусом будет обладать «цифровой субъект» и сильный (общий) ИИ в противовес классическому типу научной рациональности, в рамках которого отношения имеют статус субъект-объектных [3, с. 100]. Также следует отметить подход к ИИ как функциональному агенту или псевдосубъекту Д. И. Дубровского, А. Р. Ефимова, В. Е. Лепского и Б. Б. Славина [4, с. 58–59], заключающийся в том, чтобы наделить ИИ набором упрощенных, функциональных качеств, имитирующих свойства естественных субъектов, таких как способность к коммуникации и целенаправленному поведению.

Наконец, фундаментальной работой по проблеме субъектности ИИ в контексте философии и права, является эссе Л. Солума «Правосубъектность искусственного интеллекта» [7]. Он предложил различать два вопроса: может ли ИИ обладать правовой личностью для выполнения определенных функций (например, доверительного управляющего, исполнителя завещания, опекуна); должен ли ИИ обладать фундаментальными правами, связанными с моральной личностью. Ключевая идея Солума заключается в том, что правовая личность не требует моральной личности. Для оценки функциональной компетентности ИИ вопросы о «настоящем» сознании или понимании могут быть нерелевантны, так как достаточно способности выполнять задачу.

Таким образом, анализ статуса ИИ в правовом и философском дискурсах выявляет отсутствие консенсуса в понятийном аппарате. В контексте библиотековедения и библиотечной коммуникации мы сталкиваемся с распространенным подходом, в рамках которого ИИ воспринимается как инструмент, а не как субъект. Это создает методологическую проблему, ведь если

рассматривать ИИ исключительно как инструмент, то мы упускаем его качественное отличие от традиционных библиотечных технологий (атоматизизированной библиотечной системы, электронного каталога), но если наделять его полноценной субъектностью, мы вступаем в неразрешимый на данном этапе философско-правовой спор.

Для разрешения этого противоречия и для более точного описания нового участника библиотечной коммуникации мы предлагаем ввести авторскую категорию — *инструментальный субъект (ИС)*. Эта категория вводится нами для того, чтобы показать, что в функциональном плане ИИ ведет себя как субъект коммуникации, что качественно отличает его от других, «пассивных» инструментов, но при этом расширяет классическое представление об инструменте и субъекте, избегая антропоморфизации технологии. Вводя данную категорию, мы опираемся на подход Л. Солума, различавшего правовую и моральную личности, и разграничиваем функциональную субъектность в коммуникативном акте и онтологическую (ИИ обладает первой, но не второй).

Инструментальный субъект — это сохраняющий инструментальную природу технологический агент, который обретает функциональные свойства субъектности в рамках коммуникативного акта благодаря способности автономно инициировать взаимодействие, интерпретировать контекстуальные данные, генерировать оригинальный контент и адаптировать поведение на основе обратной связи, имеющий ограниченное (в рамках поставленной задачи) целеполагание, не являющийся субъектом юридической ответственности. Данное понятие, на наш взгляд, разрешает противоречие между

двумя подходами — классическим (ИИ как инструмент) и постклассическим (появление ИИ нового поколения и трансформация его статуса). ИИ в качестве инструментального субъекта занимает промежуточное положение: он превосходит пассивные инструменты по своим коммуникативным возможностям, но уступает человеку в автономности целеполагания и способности нести ответственность. Данный подход находит параллели в смежных дисциплинах, где давно признается агентность нечеловеческих сущностей [8–10]. Наиболее же прямое и актуальное применение эти идеи находят в новейших исследованиях, посвященных непосредственно ИИ. В медиафилософии, например, исследуется, как сложная технология порождает собственную, нечеловеческую форму мышления — «чужой субъект ИИ», возникающий из самой инструментальности [11]. В свою очередь, в аналитической философии доказывается, что ИИ вносит в совместную с человеком деятельность не просто инструментальный (вспомогательный), но конститутивный (системообразующий) вклад, то есть не просто помогает решать задачу, а меняет сам способ мышления и принятия решений [12].

На практике это выглядит следующим образом: традиционный электронный каталог (инструмент) лишь ускоряет поиск по заданным библиотекарем критериям. Генеративный ИИ (инструментальный субъект) вступает с библиотекарем или пользователем в диалог. Он может предложить неожиданные тематические связи, выявить лакуны в фонде или сгенерировать аналитический отчет, который поможет библиотекарю не просто найти информацию, но переосмыслить стратегию комплектования или обслуживания. Иначе говоря, когни-

тивная задача библиотекаря смещается с прямого поиска на верификацию, интерпретацию и стратегическое управление информацией, сгенерированной инструментальным субъектом.

Таким образом, подход к искусственному интеллекту как к инструментальному субъекту позволяет нам рассматривать данную технологию не как пассивный инструмент, а как участника коммуникационного процесса, что является необходимым для переосмысления процесса коммуникации внутри библиотечной системы. Кроме того, дальнейшее развитие искусственного интеллекта может привести к возрастанию степени его субъектности. Уже на данном этапе развития искусственного интеллекта можно отметить, что он как субъект в функционально-коммуникативном смысле способен:

— инициировать коммуникативный акт (например, отправлять уведомления пользователю или предлагать аналитику библиотекарю, даже если эта инициатива основана на сложных машинных алгоритмах, а не на естественной воле);

— выступать в роли адресата, которому может быть направлено сообщение;

— обрабатывать полученную информацию и формулировать осмысленный (логически обоснованный и понятный) ответ;

— занимать автономную позицию в коммуникационной системе.

Библиографические ссылки

1. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права. *Актуальные проблемы российского права, 2022, 17 (12),* 94—109.

2. Chesterman S. Artificial Intelligence and the Limits of Legal Personality. *International and Comparative Law Quarterly, 2020, 69 (4),* 819—844.

3. Лепский В. Е. Философско-методологические основания совершенствования цифровой трансформации и внедрения искусственного интеллекта. *Философские науки, 2022, 65 (1),* 91—108.

4. Дубровский Д. И., Ефимов А. Р., Лепский В. Е., Славин Б. Б. Фетиш искусственного интеллекта. *Философские науки, 2022, 65 (1),* 44—71.

5. Graves M. What Does it Mean to Consider AI a Person? *Theology and Science, 2023, 21 (3),* 348—353.

6. Яковлева О. В. Искусственный интеллект и вопросы профессиональной этики в подготовке будущих учителей. *Педагогика. Вопросы теории и практики, 2024, 9 (5),* 391—396.

7. Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review, 1992, 70,* 1231—1287.

8. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory.* Oxford Academic, 2005.

9. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things.* Duke University Press, 2010.

10. Kolt N. Governing AI Agents. *Notre Dame Law Review, 2025,* 101.

11. Parisi L. The alien subject of AI. *Subjectivity, 2019, 12,* 27—48.

12. Wang R. Cognitive Integration for Hybrid Collective Agency. *Philosophies, 2025, 10 (5),* 103, 1—16.